

Ш. МУХАМЕДИНА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ «РЕНЕССАНС» ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ?

Разночтение общей истории России и государств Центральной Азии и Казахстана может обернуться вызовом глобального масштаба. Возрождение евразийской идентичности на новом геополитическом фоне невозможно без научного-критического переосмысления уроков истории вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи. В этой связи взаимодействие и интеграция исторических научных сообществ является императивом времени.

Ключевые слова: Центральная Азия, евразийская интеграция, национальные истории, историографический «ренессанс», социальный заказ

Одним из глобальных вызовов современности является определение действительного геополитического места постсоветских государств Центральной Азии и Казахстана в иерархии международных отношений. Их стратегические инициативы привлекают повышенное внимание ведущих западных и азиатских государств. Но не только. По сути, интересы ведущих держав к региону обусловлены его энергетическими ресурсами, транзитными коммуникациями, трансформационными процессами и, более всего, общностью исторических судеб и территориальным соседством с Российской Федерацией.

Единственно рациональным геополитическим выбором народов Центральной Азии и Казахстана можно считать формирование евразийской идентичности, и такая постановка вопроса исходит из исторического опыта принятия народов Средней Азии и Казахстана в российское подданство. Нельзя упускать из виду и общность духовно-культурных традиций, в основе которых лежит единство веры православных народов: ведь в регионе проживает более 5,7 млн. русского населения. Другое важное обстоятельство – народы Центральной Азии и Казахстана (за исключением Таджикистана), с одной стороны, а население Поволжья и Урала – с другой, принадлежат к тюркоязычной группе языков и суннитскому вероисповеданию. И на современном этапе появилось немало точек взаимовыгодного сотрудничества, обуславливающего перспективы региональной интеграции. В аналитическом докладе Российского совета по международным делам Института востоковедения РАН, посвященном Центральной Азии, подчеркивается: «На самом деле сохраняется высокая степень взаимозависимости между Россией и государствами Центральной Азии. Это – и общая граница протяженностью более 7 тысяч кило-

метров. С российской стороны с регионом граничат 12 субъектов Федерации, среди которых такие промышленно развитые, как Самарская, Волгоградская, Челябинская, Омская области и другие, то есть вдоль границы сосредоточен значительный промышленный потенциал, крупнейшие города Поволжья, Урала и Сибири, стратегически важные коммуникации, связывающие центральную часть РФ с Сибирью и Дальним Востоком, либо пролегают в непосредственной близости от границы, либо пересекают частично территорию Казахстана»¹.

При множестве факторов консолидации интересов Центральной Азии, Казахстана и Российской Федерации есть и немало деструктивных явлений, тормозящих процесс евразийской интеграции. Речь идет о суверенизации национальных историй, граничащих с грубым искажением и оказывающих негативное воздействие на формирование у молодого поколения представлений о соседних государствах, особенно об определяющем вкладе Российской империи в переходе региона на новый уровень цивилизационного развития. В Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане историческое научное сообщество расколото – происходит своеобразный историографический «ренессанс», поддерживаемый определенными властными и социальными силами. Их усилиями происходит подгонка исторических фактов под политическую конъюнктуру. Но следует также отметить, что есть историки, кому дороги научная объективность и профессиональная этика.

Исследовательские интересы автора данной статьи сосредоточены на анализе и обобщении историографического опыта в странах Центральной Азии и Казахстане по проблеме принятия народами региона российского подданства и их гражданскому устройству. Территориальные рамки охватывают Центральную Азию и Казахстан, в историческом измерении – Русский Туркестан и Степной край, в современном представлении – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан. Для удобства будем употреблять устоявшиеся современные обозначения – Евразийский регион и просто регион. Можно поставить знак равенства между названиями Центральная Азия (удобно для западного читателя) и Средняя Азия (исторически укоренившееся географическое название). Эти названия будут варьироваться в зависимости от контекста.

Шаблонный подход к проблеме опирается, среди прочего, на сохранение устаревшей терминологии. Например, понятие «присоединение» (термин скорее военно-политический, нежели научный) не может передать всю полноту процессов интегрирования народов региона в состав

¹ Интересы России в Центральной Азии... С. 6.

России. Более приемлемым представляется понятие «вхождение». В этом плане позитивным примером может послужить позиция башкирских ученых, закрепивших формулировку «добровольное вхождение Башкортостана в состав России». Профессор А.И. Акманов пишет: «Вхождение башкир в состав России – событие большого исторического значения. Оно имело прежде всего крупные положительные последствия. После присоединения в крае прекратилась феодальная междоусобица. Башкиры получили возможность спокойно жить и заниматься хозяйством. Это, в свою очередь, вело к росту их численности. В составе Русского государства было покончено с политической и территориальной раздробленностью башкир, что способствовало этнической консолидации и укреплению их как народа. Башкиры и русские крестьяне совместно осваивали природные богатства края. Различные формы колонизации, основание городов и заводов, в частности, ускорили развитие производительных сил Башкирии»². Заметим, башкиры и казахи – народы близкие по этнической структуре, хозяйственной этике и духовной принадлежности.

Исторически оправданны формулировки «принятие российского или русского подданства» и «инкорпорация», хотя они не отражают цивилизационное (в европейском смысле) переустройство жизнедеятельности народов Центральной Азии и Казахстана в составе России. Опираясь на творческое наследие русских ученых и военных – непосредственных участников переломных событий в судьбах Евразии, вполне адекватными можно считать понятия «введение или водворение российской (русской) гражданственности», а также «гражданское устройство». В XIX в. в общественно-политической и научной литературе для обозначения процесса вхождения и обустройства народов применялось понятие «гражданственность», что было заимствовано из официальных законодательных документов. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, обращаясь к Александру III, писал, «Повергая отчет сей к стопам Вашего Императорского Величества, приемлю смелость выразить одушевляющую меня надежду, что и из кратких сведений, в нем заключающихся, Ваше Величество соизволите усмотреть насколько срок, истекший со времени образования генерал-губернаторства, мог подвинуть великое дело водворения в Средней Азии русской гражданственности»³.

Под словом «гражданственность» подразумевались административные и культурно-образовательные реформы среди народов, принявших русское подданство. В результате в энциклопедиях появилось определе-

² Акманов 2007. С. 74.

³ Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. Фон-Кауфмана. С. 74.

ние: «Гражданственность, русское выражение, которым некоторые писатели пробовали перевести и заменить общеупотребительное выражение “цивилизация”. В этом значении выражение не утвердилось, но иногда применяется для обозначения политической стороны цивилизации»⁴. «Гражданственность» прежде и больше всего понималась как стабилизация региона. Известный ученый, капитан Генштаба Л. Костенко, обозревая успехи российского продвижения в Туркестан, писал, что «гражданственность все-таки сделала некоторые успехи, которые состояли в следующем: 1) в умиротворении степи; 2) в уничтожении невольничества между казахами; и 3) в усилении торговли как с казахами, так и с независимыми ханствами»⁵. Конечно, «водворение гражданственности», или гражданское устройство этим перечислением не ограничивается.

Российское правительство апробировало разные модели управления, но оптимальными оказались военно-окружная и военно-народная. А уже к концу XIX в. Русский Туркестан и Казахстан переходят на общеимперскую систему гражданского устройства, т.е. непосредственно вводится русское подданство. Формулировка «гражданское устройство в Центральной Азии и Казахстане» логично сочетается с понятием «вхождение». Запад и Россия отличаются коренным образом друг от друга в продвижении геополитических интересов за пределы собственных территорий. Понятия «завоевание» и «колония» в зависимости от страновой принадлежности несут в себе разную смысловую нагрузку. Обновление понятийного аппарата позволит глубже исследовать проблему гражданского устройства народов региона в составе Российской империи и избежать политической ангажированности, наблюдаемой в историографическом процессе государств Центральной Азии и Казахстана.

Декларации о государственном суверенитете бывших союзных республик сопровождаются суверенизацией их национальных историй, отход которых от прежней общей интегрированной истории настолько велик, что каждая из них замыкается на «показе» своей национальной исключительности⁶. Неслучайно сегодня национальные истории стали предметом повышенного внимания мировой общественности.

⁴ Большая энциклопедия... 1902. С. 425.

⁵ Костенко 1870. С. 162.

⁶ С 1991 г. благодаря проекту, реализованному Фондом Фридриха Науманна совместно с Ассоциацией исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского Университета в Бохуме под руководством профессора Карла Аймермахера и доктора Геннадия Бордюгова, утвердилось определение «национальные истории». См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах... С. 8.

Националистическую концепцию национальных историй можно сформулировать следующим образом: Российская империя завоевала Среднюю Азию и Степной край, установила там военно-оккупационную власть, в результате чего народы этого региона лишились независимости, государственности и богатых природных ресурсов. В этих трудах Россия представляется как агрессивная держава, ничем не отличающаяся от классических метрополий. С предельной точностью высказались на их счет в своем критическом обзоре национальных историй К. Аймермахер и Г. Бордогов: «Для нынешнего “переписывания” историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей»⁷.

Подготовка национальных историй в странах Центральной Азии и Казахстане снабжены необходимыми ресурсами и возведены в ранг государственной политики. В высших учебных заведениях курс национальных историй, как базовый, обязательный, заканчивается сдачей государственного экзамена. Проекты по национальным историям выполняют определенный социальный заказ и финансируются государством, осуществляется планомерное государственное регулирование их концептуальных основ. В результате мировоззренческая функция истории искажается. В этом плане преуспели историки, политологи и экономисты Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана.

В годы независимости Казахстана на основе переписывания истории выпускаются учебники для образовательных учреждений. Известный историк профессор Ж.К. Касымбаев, приводя указ Анны Иоанновны о принятии Младшего жуза в подданство России (19 февраля 1731 г.), рассуждает так: «хотя присоединение Казахстана к России считалось добровольным, оно было основано на односторонней политике. В дальнейшем политика царизма в Казахстане привела к росту протестов казахов, что является доказательством необоснованности теории о добровольном присоединении»⁸. Здесь можно возразить автору по поводу «теории добровольного присоединения», поскольку вхождение Казахстана в состав России – это не теоретический, а политический вопрос.

Автор также считает, что казахская общественность ждала не присоединения, а военного союза с Россией. Дискурс автора базируется на ошибочных сведениях, приведенных в академическом издании «Исто-

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Касымбаев 2012. С. 17, 133.

рия Казахской ССР» (авторы А. Панкратова и М. Абдыкалыков, 1943 г.). В книге, в частности, подчеркивалось: «Абульхайыр использовал для своих целей усилившуюся военную угрозу со стороны джунгарских ойротов и уговорил многих султанов и биев обратиться к России с предложением военного союза для совместной с казахами борьбы против Джунгарии. Состоявшийся в 1730 г. съезд биев Младшего жуза принял такое решение и поручил Абульхайыру вступить в переговоры с царскими властями о заключении с Россией военного союза. Но Абульхайыр жестоко обманул биев. В грамоте, посланной им императрице Анне Ивановне, он просил царское правительство не о военном союзе, а о принятии казахов всех жузов в российское подданство. Эту просьбу Абульхайыр написал тайно от биев и от народа»⁹. Это утверждение советских историков противоречит исторической действительности и порождено тогдашней политической конъюнктурой. На самом деле казахская сторона в переговорных процессах обратилась к Анне Иоанновне с просьбой о принятии казахов Младшего жуза в российское подданство.

В послевоенную историографию при всей её идеологической обусловленности, были внесены некоторые позитивные поправки. В частности, Н.Г. Аполлова отмечала, что вопрос о присоединении Казахстана к России в первом издании «Истории Казахской ССР» разрешен тенденциозно: присоединение Казахстана к России рассматривается как результат «сговора части казахской знати и царского правительства и под углом зрения завоевания Казахстана Россией». А в предисловии к книге Аполловой, написанном известным казахстанским историком Е. Бекмахановым, подчеркивалось: «В некоторых работах советских историков, в частности, в первом издании «Истории Казахской ССР», также не раскрыт исторический смысл этого акта (о принятии российского подданства казахами – *Ш.М.*). В монографии Н.Г. Аполловой присоединение Казахстана к России рассматривается как прогрессивное явление в истории казахского народа»¹⁰.

Таким образом, в послевоенный период историческое сообщество в основном отказалось от обобщений и выводов, приведенных в первом издании истории Казахской ССР (1943). Однако процесс суверенизации Казахстана вновь привлек внимание историков к этой книге (она была переиздана к 20-летию независимости Республики Казахстан), и её политизированный дискурс задал для удобные образцы. Так, раздел «Казахстан – колония» содержит такие главы и параграфы: «Превращение

⁹ История Казахской ССР с древнейших времен... 1943. С. 152-153.

¹⁰ Аполлова 1948. С. 3, 19.

Казахстана в колонию Российской империи», «Колонизация Казахстана», «Создание государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане в конце XIX века». Обобщающим примером необъективного освещения истории гражданского устройства казахов может послужить тезис о том, что, «захватывая и колонизируя восточные окраины, царское правительство было озабочено, прежде всего, тем, чтобы закрепить здесь свое господство при помощи военно-оккупационного, полицейско-чиновничьего аппарата государственной власти»¹¹. Выводам и формулировкам, закрепленным в «Истории Казахской ССР», несмотря на их научную ограниченность, последовали многие авторы не только исторических трудов, но также экономических и политологических.

В книге профессора, доктора экономических наук Т.А. Абдракова есть глава «Казахстан как колониальная окраина Российской империи», которая начинается так: «Присоединение Казахстана к России дало возможность для проникновения россиян в край сказочных богатств и добродушных, гостеприимных людей. Оно сопровождалось присвоением природных ресурсов, массовым изъятием пастбищных и пахотоспособных земель»¹². Вокруг этого положения автор и выстроил весь историко-экономический нарратив.

Историческая роль России в социальном развитии народов Центральной Азии и Казахстана в угоду чисто этническим амбициям приносится не только казахскими исследователями: их ряды можно пополнить представителями Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. В школьных учебниках Узбекистана доминирует крайне негативное освещение российского влияния. В подтверждение можно привести такие выдержки: «Колониальный режим означает политическое, экономическое, социальное и духовное порабощение коренного населения завоеванной территории»; «Цель Российской империи в Средней Азии заключалась в создании такой административной и политической системы, которая превратила бы как Туркестанский край, так и другие государства во внутреннюю колонию Российской империи. Это означало утверждение российского военного господства, всеобщего контроля над экономической и политической жизнью края»¹³. Заметим, данный учебник был победителем тендера, организованного Министерством народного образования Республики Узбекистан.

В таком же направлении переписывается история Республики Кыргызстан. Краткую, но емкую характеристику ситуации с историей стра-

¹¹ История Казахстана... 3-е изд. 2011. С. 424-434.

¹² Абдраков 1992. С.75.

¹³ Хидоят, Костецкий 2006. С. 54, 55.

ны, дал профессор Кыргызско-Российско-Славянского университета доктор филологических наук Александр Кацев. При обсуждении учебника для 9 класса (февраль 2013 г.) он подчеркнул: «Отметим, что вхождение Киргизии в состав России современными составителями учебников истории почти всегда оценивается негативно. Положительные моменты киргизские историки предпочитают не упоминать. Обо всем хорошем, что связывает и объединяет народы, учебники умалчивают. В сознании подрастающего поколения формируется образ России как зловещей империи, которая их веками уничтожала и эксплуатировала»¹⁴.

Антироссийская риторика охватывает всю национальную историю Кыргызстана. По мнению координатора Аналитического консорциума «Перспектива» кандидата исторических наук В. Богатырева, «Исторические трактовки постепенно смещаются от толкования факта присоединения кыргызских земель к России как “вхождения в состав России” к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение, по крайней мере, когда речь идет о южных регионах страны»¹⁵.

Подобная картина характерна и для туркменских изданий. Сотрудник Института международных исследований Карлова университета (Прага, Чехия) Славомир Горак пишет: «Поражение, нанесенное армией Российской империи ахалтекинским войскам у крепости Геок-депе в 1880-1881 годах, в нынешней “национальной” интерпретации трактуется как разрушение последних устоев туркменской государственности... Туркменская историография крайне негативно оценивает годы пребывания нынешнего Туркменистана в составе Российской империи и Советского Союза. В то время туркмены были лишены возможности развивать свой язык, сохранять традиции, изучать собственную историю...»¹⁶.

Историографический обзор подтверждает, что значение российского фактора в переходе народов Центральной Азии и Казахстана к новому культурно-историческому типу не получает должной оценки¹⁷.

В советское время выходили в свет фундаментальные издания по истории среднеазиатских республик и Казахстана, которые содержали в основном объективное освещение исторического процесса, связанного с их вхождением в состав Российской империи. Таковы, например, его научные обоснования в академическом труде «История Казахской ССР»

¹⁴ URL <http://www.news-asia.ru/view/4358>.

¹⁵ Богатырев 2009. С. 303.

¹⁶ Горак 2005. С.113.

¹⁷ Что касается Таджикистана, то его историки корректно подходят к вопросу о русско-таджикских отношениях; у них проблемы в другой плоскости – территориальные претензии к соседям.

(1979): «Когда же казахские земли оказались перед трагической опасностью быть покоренными агрессивными соседями – Джунгарией, Цинской империей и среднеазиатскими ханствами, присоединение Казахстана к России стало исторической необходимостью». Авторы делают логичное заключение: «Присоединение Казахстана к России – это не совершившийся в один день акт, а длительный процесс... С 30-х годов XVIII в. – со времени начала добровольного присоединения Казахстана к России – исторические судьбы казахов тесно переплелись с судьбами великого русского и других народов страны. С этого времени историю Казахстана нельзя рассматривать вне связи с историей России»¹⁸. Подобные оценки встречаем и в трудах ученых Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, изданных в позднесоветский период¹⁹.

Каковы все же мотивы резкого отступления значительной части исторического сообщества от признанных принципов исторической науки – историзма, достоверности, объективности, системности? Возможно, политическая ангажированность исторических трудов – это своего рода вызов советской теории перехода ранее отсталых народов к социализму, потерпевшей крах. И еще. По мнению отдельных национальных историков, показ России в негативном свете повысит уровень патриотического воспитания. Кандидатская диссертация А.Т. Ахметжановой «Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект» заканчивается рекомендацией: «Использование результатов исследования, касающихся деятельности казахской интеллигенции, направленной против имперской политики царизма в Казахстане, в деле патриотического воспитания подрастающего поколения». А такое предложение исходит из развернутого показа негативного образа Российской империи, политика которой якобы была «направлена на окончательную утрату государственности Казахстана, превращение отдельных крупных регионов Казахстана в колонию, русификацию и христианизацию казахского населения»²⁰. Такая концепция может дать обратный эффект в поликультурной среде, и вместо патриотического воспитания получится сепаратизм в настроениях отдельных молодых людей.

Как видно, происходит одностороннее движение в трактовке проблемы инкорпорации Средней Азии и Казахстана в общеимперскую систему. В национальных государствах сформировалась официальная позиция в отношении к выбору наиболее выгодных исторических сю-

¹⁸ История Казахской ССР... Т. III. 1979. С.193, 194.

¹⁹ Богатырев 2009. С. 303.

²⁰ Ахметжанова 2010. С. 12, 125.

жетов, позволяющих идеализировать средневековые (до-российские) устои и традиции, а также некоторых ханов. Это не случайно.

Память о прошлом и обращение к ней представляют собой важное условие формирования национальной идентичности. Л.П. Репина точно определяет функции исторической памяти в зависимости от того, кем она трактуется: «Вполне закономерно, что в современной историографии особое внимание обращается на роль представлений о прошлом и исторических мифов как элементов политической, этноконфессиональной и национальной идентичности. При этом выясняется, что злоупотребления историей не ограничиваются авторитарными и деспотическими режимами, использующими мощный “административный ресурс” для монополизации исторической памяти. Они происходят и в обществах, которые не практикуют крутых репрессий по отношению к инакомыслию в сфере знания о прошлом и вообще допускают широкую свободу мнений, но располагают особой системой регламентации, включающей скрытые механизмы ограничений и поощрений вполне определенных, “полезных” исторических концепций, в том числе через избирательное финансирование обеспечивающей их инфраструктуры и управление государственными институтами памяти»²¹.

Теоретическое обобщение ученого исходит из реального положения дел с регламентированными историческими трактовками в целях формирования этнической идентичности. Для убедительности можно привести выдержки из статьи «Битва за историю: эпизод следующий», в которой главный редактор журнала «Центр Азии» С. Акимбеков заявил: «Когда российский президент Владимир Путин высказался по поводу отсутствия у казахов государства, это задело казахское общественное мнение именно потому, что это напрямую касалось вопросов идентичности... Естественно, что Астана не могла не отреагировать на такую постановку вопроса. Собственно, празднование в 2015 году 550-летия казахской государственности – это своего рода наш “ответ Чемберлену”». Далее автор поясняет: «Сегодня история является частью борьбы за идентичность, и ей надо уделять большое внимание... Запрос на идентичность в Казахстане сегодня огромен. Именно в этом не разобрались многие лидеры общественного мнения прошлого. Они по-прежнему пытаются спрятаться в тени общей идентичности бывшего СССР, не понимая, что сегодня это уже другая идентичность и другие государственные интересы»²². Понятна авторская установка, суть кото-

²¹ Репина 2006. С. 39. См. также: Репина 2011; 2013.

²² Акимбеков 2014. С. 54, 55.

рой заключается в идеализации средневекового ханства как казахской государственности, якобы представляющего одно из главных условий этнической идентичности на современном этапе.

Исторические ресурсы – это источники созидания. Надо искать в историческом прошлом точки роста для совместного созидания народов Евразии. В этом отношении Казахстану отводится особая роль, он непосредственно граничит с Россией, и исторические судьбы двух народов переплетены так крепко, что словосочетание «навек вместе» – не только советский лозунг, но и состояние души русских и казахов.

Ситуация с национальными историями, повышает уровень политической ответственности научных школ как Российской Федерации, так и государств региона за будущее их народов.

Конечно, национальные истории испытывают издержки становления на новом геополитическом фоне. Между тем, в историческом поле национальных государств происходят и позитивные перемены – развивается и обогащается источниковая база научных проектов, повышается профессионализм и компетентность исследователей, расширяются их творческие связи с российскими и другими зарубежными учеными, происходит обстоятельная и аргументированная документами критика политически ангажированных трактовок, порою граничащих с вымыслом. Так, кандидат исторических наук М.К. Сембинов в статье «Становление национальной истории Казахстана» пишет о переменах понятийного аппарата, используемого для освещения история присоединения Казахстана к России: «Если в советское время оно именовалось не иначе как “добровольное присоединение”, и оценка деятельности хана Абулхаира – главного инициатора присоединения родов младшего жуза – носила только положительный характер, с употреблением эпитетов “мудрый”, “дальновидный”, “выдающийся”, сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не единственная возможность сохранения национального единства, то современная оценка этого процесса – уже в иных, более жестких категориях типа “поглощение”, “насильственное присоединение” и даже “военный захват”. Хан Абулхаир предстает сегодня как более приземленная личность, награждаемая эпитетами типа “властолюбивый”, “противоречивый” и даже “предатель” и “сепаратист”»²³.

Сходные наблюдения содержатся в статье доктора исторических наук Ж. Кундакбаевой «В поисках исторического нарратива Казахстана: “диалог памяти” или “национальная память”»: «Основная канва исторического нарратива, сложившегося к началу XXI в., выглядела следу-

²³ Сембинов 2003. С. 180, 181.

ющим образом: в центре Евразии жил свобододолюбивый, гордый народ, имевший свои традиции и культуру, однако он был завоеван, а в дальнейшем идеологически подавлен другим народом, в результате чего утратил основные признаки национальной идентичности – язык, культуру, хозяйственный уклад... В мифологической трактовке подается в современной исторической литературе и образ Российской империи. С её политикой связывается потеря независимости, прерывание поступательного развития государственности. В казахстанских учебниках в неявной форме проявляется тенденция представлять Россию как “завоевателя”²⁴.

Смелые гражданские позиции отдельных казахстанских ученых показывают перспективы истории Казахстана, связанные с подлинно научными изысканиями. Подтверждением сказанного может служить кандидатская диссертация Д.Б. Тебаева на тему «Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.» (защищена на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова). В ней впервые показан Степной край как самостоятельный субъект международных отношений. Заслуживает внимания обстоятельный анализ историографии со всеми её достоинствами и издержками. В автореферате читаем: «Основным источником в распространении исторических знаний и идей выступал Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, который возглавлял академик М.К. Козыбаев. В институте активно культивировалась идея о насильственности колонизации, и Россия в её имперской ипостаси представлялась неким олицетворением зла... Работы академика М.К. Козыбаева описывали политику России как сугубо агрессивную»²⁵. Диссертационное исследование Тебаева дает новое видение истории средневекового Степного края и проблем его вхождения в состав Российской империи.

В историографии стран Центральной Азии и Казахстана происходит и другой процесс: на основе сочетания традиционных и новых методологических подходов, заимствования зарубежных (в том числе российских) инноваций, и особенно – обновления источниковой базы, расширяется подлинно научное исследовательское поле.

Безусловно, в формировании нового видения проблемы вхождения Центральной Азии и Казахстана неопределима роль российских научных исторических школ (особенно исторического факультета МГУ), которые внесли и вносят огромный вклад в изучение опыта интеграции Центральной Азии и Казахстана в состав России. Как никогда актуальны

²⁴ Кундакбаева 2009. С. 266, 277.

²⁵ Тебаев 2009. С.11.

книги профессора Г.Е. Маркова, посвященные этническим историям народов Средней Азии и Казахстана и, в этом контексте, их вхождению в состав России. По мнению ученого, на первых порах «принятие той или иной группой казахов русского подданства еще не влекло за собой непосредственного вмешательства царской администрации в их хозяйственную и социальную жизнь, что находило, в частности, отражение в том, что казахскими делами ведало Министерство иностранных дел. Но по мере укрепления связей казахов с Россией царские власти стали уже вмешиваться в их дела, вводить новые административные порядки»²⁶.

Перекосы в национальных историях и проблема их преодоления активно обсуждаются историками РАН. Академик А.О. Чубарьян высказался так: «Я думаю, что идея “ущербного самоощущения” от того, что какая-то нация какую-то часть своей истории провела в составе другого государства, только принижает саму эту нацию. Не на негативе надо искать свою идентичность, а на позитивном вкладе в общее достояние и культуру народов. Я могу понять австралийцев, которые попросили извинения у своих аборигенов, могу понять новозеландцев, уже готовых просить прощения по таким же соображениям, но при чем тут Россия? Перед какими “угнетенными нациями” ей извиняться?»²⁷. Принципиальную позицию в отношении национальных историй, в частности истории Казахстана, обозначил директор Института Российской истории РАН, руководитель проекта 20-томной «Истории России» проф. Ю.А. Петров. В интервью газете «Известия» он подчеркнул: «в Казахстане запланировали 20-томную историю Отечества. Периоду вхождения Казахстана в состав Российской империи там отведено два тома из 20 (тогда как последнему 20-летию, например, пять томов, хотя это внутреннее дело казахских историков). Так вот, один из упомянутых двух томов называется “Казахстан – колония России”, второй – “Национально-освободительное движение”». Далее на реплику корреспондента – «Ну, это их внутреннее дело», Ю.А. Петров ответил: «Но можем ли мы согласиться с такими трактовками по существу истории России, поскольку Казахстан был тогда провинцией Российской империи? Нет. Не можем»²⁸.

Оценка руководителей ведущих исторических институтов подтверждает необходимость подготовки фундаментальных интегрированных проектов, где должны быть даны развернутый анализ и обобщение уроков вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав России, с учетом необходимого обновления подходов и понятийного аппарата.

²⁶ Марков 1976. С. 137.

²⁷ Российская газета. 18.07.2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/07/18/istoriya.html>

²⁸ Интервью. 15.08.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/532951>

По сути, российские историки уже начали, не разрывая традицию преемственности в историографии, пересматривать историю вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи. При этом повышенное внимание уделяется разным историографическим традициям. Попытка преодолеть шаблоны и стереотипы современной историографии предпринята в диссертации С.Н. Брежневой, хотя с рядом определений трудно согласиться. По мнению автора, «Завоевание Туркестана Россией – это сложный многогранный процесс, который включал в себя как сопротивление местного народа, так и добровольное присоединение, и расценивать его однозначно нельзя. Цели России носили завоевательный характер, поэтому термин “завоевание” является более уместным. Однако, наряду с ним уместен и термин “присоединение”, так как завоевательный процесс имел продолжение в присоединении завоеванных территорий к России и установлении здесь российских административных порядков. Значит, оба термина имеют право на существование, так как они означают перманентный процесс вхождения нерусских народностей Туркестанского края в состав России»²⁹. Стоит подчеркнуть, что термин «завоевание» можно отнести лишь к некоторым территориям.

Историографическим событием, привлечшим внимание научной общественности, стала коллективная монография под редакцией и при авторстве известных российских ученых – С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова и Н.Е. Бекмахановой. В книге на основе системного подхода представлена панорама почти всех исторических событий, касающихся вхождения и обустройства народов Центральной Азии и Казахстана. Весьма ценным является анализ этнической структуры и духовной жизни многонационального населения региона. Совершенно правомерно звучит авторское признание о том, что «настоящая работа – попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. При этом авторы пытаются преодолеть стереотипы, с одной стороны, изображающие взаимоотношения России с её азиатской окраиной как абсолютно прогрессивное явление, с другой – те, которые видят в этих взаимоотношениях один лишь негатив»³⁰. Впоследствии размышляя о книге, Абашин констатировал: «Я могу сказать, что в Центральной Азии национальный нарратив влиятелен внутри своих государств, но за их рамками чаще всего выглядит архаичным и слишком идеологизированным. Российские исследования центрально-азиатского региона сильно ослабли, но в них скорее доминирует имперский нарратив. При этом парадокс состоит в том, что внутри самой

²⁹ Брежнева 2005. С. 47.

³⁰ Центральная Азия в составе Российской империи... 2008. С. 10.

Центральной Азии имперский нарратив сохранил довольно сильные позиции как среди русскоязычных (порою достаточно влиятельных) ученых, так и среди некоторых представителей “местной” научной элиты, которые критически относятся к националистической риторике»³¹.

Историографию проблемы дополняет книга известного историка Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования», включенная в золотую коллекцию серии «Россия забытая и неизвестная». Автором проработана масса ценнейших источников, многие из которых введены впервые в научный оборот. Однако при всех достоинствах книги, нельзя согласиться с таким утверждением: «Россия разделила судьбу Англии, Франции и других европейских государств, имевших колониальные владения. После распада колониальных империй на карте мира, главным образом в Азии и Африке, появились десятки независимых стран, обитатели которых на первых порах находились в состоянии эйфории, радуясь избавлению от заморских господ и наставников. Но проходили годы, а большие ожидания нового счастья и экономического процветания не сбылись, более того, положение в народном хозяйстве становилось заметно хуже в сравнении с колониальными временами»³². Такое сравнение неправомерно: политика и практика западных держав и России существенно различались. Авторское суждение можно опровергнуть словами генерал-лейтенанта М.А. Терентьева, который писал в 1875 г.: «Вся разница между нами и англичанами в том и состоит, что мы пришли как враги, а поступаем как друзья, англичане же вступили в Кабул как друзья, а стали обращаться с жителями как враги»³³. И сегодняшние реальности подтверждают правоту генерала М.А. Терентьева. До сих пор в Афганистане нет ни мира и ни спокойствия, он превратился в одну из горячих точек нашей Планеты. Можно вспомнить и то, что народы Центральной Азии и Казахстана получили статус суверенных государств благодаря российской политике, а не с оружием в руках, как это было в странах, зависимых от западных держав.

В целом в евразийском сегменте постсоветского пространства происходит неоднозначный историографический «ренессанс», в нем пока еще доминирует тенденция к отрицанию позитивных аспектов фактора «вхождения» как одно из условий формирования национальной идентичности. Однако есть и попытки беспристрастного исследования всего спектра вопросов, имеющих отношении к этому процессу.

³¹ Абашин 2008. С. 467.

³² Глущенко 2010. С. 3.

³³ Терентьев 1875. С. 301.

Интегрирование народов Центральной Азии и Казахстана в имперскую политическую и социально-экономическую систему заняло почти два столетия. Этот исторический период полон драматизма и достижений российской стратегии и тактики. Российские власти, как центральные, так и местные готовились основательно во всех направлениях – правовом, управленческом, кадровом, образовательном, научном, этнографическом, переводческом, военно-техническом и коммуникационном.

Особое внимание уделялось подготовке профессиональных кадров из представителей местных народов. Так, в 1789 г. Омске была открыта Ази[я]тская школа, комплектовавшаяся детьми казаков и казахов. Курсы изучали общеобразовательные предметы – русскую грамоту и математику. С целью подготовки переводчиков и толмачей преподавались персидский, татарский, турецкий и арабский языки. В 1813 г., когда началась активная подготовка научных экспедиций и военных походов в Среднюю Азию, школа была преобразована в войсковое училище с усложненными учебными программами. Перечень дисциплин включал Закон Божий, чтение, чистописание, русский язык, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, географию, историю, полевую фортификацию, артиллерию, черчение планов и рисование. Одна из обязательных дисциплин – «Понятие о должности человека и гражданина». Казаки прекрасно владели казахским языком, и в анкете офицеров, не проходивших школьного учения, писали, что они – «русской грамоте – читать и писать умеют, [по-казахски] говорят». «Знание [казахского] языка между офицерами этой категории, как и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено»³⁴. Со временем было открыто отделение для подготовки съемщиков и топографов. Здесь учился талантливый востоковед Ч.Ч. Валиханов, который возглавил научно-исследовательские экспедиции в Кульджу и Кашгар. Видный ученый Н.И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой Востоковедения потомок [казахских] ханов и в то же время офицер Русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд»³⁵.

Огромный вклад в подготовку кадров, особенно казахской национальности, внес первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев. Его усилиями в 1744 г. была открыта татарская школа с изучением восточ-

³⁴ Записки Западно-Сибирского Отдела... 1893. С. 15, 16.

³⁵ Записки Императорского Русского географического общества... 1904. С. 1.

ных языков. В 1824 г. школа была преобразована в Неплюевское военное училище при Оренбургской Пограничной Комиссии местного ведомства по управлению оренбургскими казаками³⁶. Благодаря усилиям оренбургских военных губернаторов генералов Г.С. Волконского и П.К. Эссена выделялись стипендии для детей казахских чинов. Учебное заведение считалось колыбелью русского образования казахов.

Подготовка к продвижению России в Степь и Туркестан была фундаментальная. Офицеры, направляемые в регион, прекрасно владели восточными языками. Многие из генералов стали впоследствии известными учеными и писателями. Нельзя отрицать и другое, что признавалось самими генералами – это доминирование военных методов и стиля, не только в военно-народном и военно-окружном управлении, но и в гражданском устройстве. Другое негативное явление – случаи произвола и коррупции в местной управленческой среде.

Историографический «ренессанс» вызван прежде всего выбором облегченной концептуальной схемы: «империя – колония – национально-освободительное движение». При этом проводятся параллели между Россией и западными державами в вопросах хозяйственного освоения новых территорий. Подчеркнутый националистический нарратив прежде всего направлен на отрицание позитивной роли России в поступательном развитии региона, что может устраивать некоторых противников евразийской идентичности. На самом деле чрезвычайно многослойный исторический опыт Российской империи по инкорпорации или гражданскому устройству народов Туркестана и Казахстана уникален, и это обширное исследовательское пространство нуждается в тщательной разработке, с введением в оборот новых архивных документов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашин С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 467.
- Абдразаков Т.А. Экономические последствия присоединения Казахстана к России. Караганда. 1992.
- Акимбеков С. Битва за историю: эпизод следующий // *Центр Азии*. 2014. № 6.
- Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа. 2007.
- Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века / Отв. ред. Е. Бекмаханов. Алма-Ата. 1948.
- Ахметжанова А.Т. Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект. Дис. канд. ист. наук. Алматы. 2010.
- Богагырев В. Кыргыз: восстановление истории // *Национальные истории на постсоветском пространстве* // под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. 2009.

³⁶ Оренбургский Неплюевский кадетский корпус... 1896. С. 1-5.

- Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 7 / Библиографический институт (Мейер) в Лейпциге и Вене. СПб., 1902.
- Брежнева С.Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (втор. половина XIX в. – начало XXI в.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2005.
- Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- Горак, Славомир. Мифы Великого Туркменбаши / Вестник Евразии. 2005. № 2.
- Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XIV. Вып. 1. Составлен действ. членом Зап-сиб. отдела Г.Е. Катанавым. Омск, 1893.
- Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1904.
- Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители // Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2013.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. А-Ата, 1943.
- История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. III: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября / АН Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова / Глав. ред. А.Н. Нусупбеков. А-Ата. 1979.
- История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.) 3-е изд. Алматы. 2011.
- Касымбаева Ж.К. История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.). Учебник для 8 классов общеобразовательных школ. 2-е изд., перераб., дополн. Алматы. 2012.
- Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картой Средней Азии. СПб., 1870.
- Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве. М., 2009.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордогова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.
- Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования [казахов]. Оренбург, 1896.
- Проект Всеподданнейш[е]го отчета генерал-адъютанта К.П. Фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1885.
- Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Нестор, 2013. С. 8-16.
- Репина Л.П. Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях // Многоликость целого: из истории цивилизаций Нового и Старого Света. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 36-46.
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М. 2006.

- Сембинов М.К. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах... М. 2003.
- Тebaев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.
- Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- Хидоятов Г.А., Костецкий В.А. История Узбекистана (вторая половина XIX – XX вв.). 9 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных школ. Ташкент, 2006.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

REFERENCES

- Abashin S. Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii»// Ab Imperio. 2008. № 4. S. 467.
- Abdrzakov T.A. Ekonomicheskie posledstviya prisoedineniya Kazakhstana k Rossii. Karaganda. 1992.
- Akimbekov S. Bitva za istoriyu: epizod sleduyushchii // Tsentr Azii. 2014. № 6.
- Akmanov A.I. Zemel'nye otnosheniya v Bashkortostane i bashkirskoe zemlevladienie vo vtoroi polovine XVI – nachale XX v. Ufa. 2007.
- Apollova N.G. Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka / Otv. red. E. Bekmakhanov. Alma-Ata. 1948.
- Akhmetzhanova A.T. Stepnoe polozhenie 1891 goda v Kazakhstane: istoricheskii aspekt. Dis. kand. ist. nauk. Almaty. 2010.
- Bogatyrev V. Kyrgyzy: vosstanovlenie istorii // Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve // pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. M. 2009.
- Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otraslyam znaniya. T. 7 / Bibliograficheskii institut (Meier) v Leiptsige i Vene. SPb., 1902.
- Brezhneva S.N. Istoriografiya problemy prisoedineniya Turkestanskogo kraia k Rossii (vtor. polovina XIX v. – nachalo XXI v.). Avtoref. dis. d-ra ist. nauk. M., 2005.
- Glushchenko E.A. Rossiya v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. M., 2010.
- Gorak, Slavomir. Mify Velikogo Turkmenbashi / Vestnik Evrazii. 2005. № 2.
- Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Kn. XIV/1. Sostavlenn deistv. chlenom Zapsib. otdela G.E. Katanaevym. Omsk, 1893.
- Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etno-grafii. T. XXIX. Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova / red. N.I. Veselovskogo. SPb., 1904.
- Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: soderzhanie, perspektivy, ogranichiteli // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M., 2013.
- Istoriya Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei / pod red. M. Abykalykova i A. Pankratovoi. A-Ata, 1943.
- Istoriya Kazakhskoi SSR. S drevneishikh vremen do nashikh dnei. V pyati tomakh. T. III: Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya. Revolyutsionnoe i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v kanun Velikogo Ok-tyabrya / AN Kazakhskoi SSR. Institut istorii, arkheologii i etnografii imeni Ch.Ch. Valikhanova / Glav. red. A.N. Nusupbekov. A-Ata. 1979.
- Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Izdanie 1943 g.) 3-e izd. Almaty. 2011.
- Kasymbaeva Zh.K. Istoriya Kazakhstana (XVIII v. – 1914 g.). Uchebnik dlya 8 klassov obshcheobrazovatel'nykh shkol. 2-e izd., pererab., dopoln. Almaty. 2012.

- Kostenko L. Srednyaya Aziya i vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti. S kartoyu Srednei Azii. SPb., 1870.
- Kundakbaeva Zh. V poiskakh istoricheskogo narrativa Kazakhstana: «dialog pamyatei» ili «natsional'naya pamyat'» // Natsional'nye istorii na postsovetskomo prostranstve. M., 2009.
- Markov G.E. Kochevniki Azii. Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii. M., 1976.
- Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / pod red. K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predisl. F. Bomsdorfa. Izd. 2-e, ispr. i dop. M., 2003.
- Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya [kazakhov]. Orenburg, 1896.
- Proekt Vsepoddanneish[e]go otcheta general-ad"yutanta K.P. Fon-Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroistvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. Izdanie VoЕННО-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba. SPb., 1885.
- Repina L.P. Fenomen pamyati v sovremennom gumanitarnom znanii i v perspektive istoricheskoi konfliktologii // Sotsial'nye posledstviya vojn i konfliktov XX veka: istoricheskaya pamyat' / Otv. red. E.P. Serapionova. SPb.: Nestor, 2013. S. 8-16.
- Repina L.P. Pamyat', istoriya i natsional'naya identichnost': «mobilizatsiya» ponyatii v istoriko-teoreticheskikh issledovaniyakh // Mnogolikost' tselogo: iz istorii tsivilizatsii Novogo i Starogo Sveta. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2011. S. 36-46.
- Repina L.P. Pamyat' i istoriopisanie // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoi. M. 2006.
- Seminov M.K. Stanovlenie natsional'noi istorii Kazakhstana // Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh... M. 2003.
- Tebaev D.B. Kazakhskie zhuzhy i rossiiskaya politika na territorii Stepnogo kraya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX vv. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2009.
- Terent'ev M.A. Rossiya i Angliya v Srednei Azii. SPb., 1875.
- Khidoyatov G.A., Kostetskii V.A. Istoriya Uzbekistana (vtoraya polovina XIX – XX vv.). 9 klass. Ucheb. dlya uchashchikhhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol. Tashkent, 2006.
- Tsentr'al'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii. M., 2008.

Мухамедина Шамшия, доктор исторических наук, профессор Уфимского государственного университета экономики и сервиса; mukhamedina@yandex.ru

Central Asia and Kazakhstan: historiographical “Renaissance” or social order

Conflicting interpretations of the shared history of Russia and the states of Central Asia and Kazakhstan can lead to a global political conflict. The revival of the Eurasian identity in a new geopolitical situation is impossible without a critical re-evaluation of the history of the process through which Central Asia and Kazakhstan had become parts of the Russian Empire. In this context, interaction and intergration of academic communities of historians becomes imperative.

Keywords: Central Asia, Eurasian integration, national history, historiographical "Renaissance", social order.

Shamshiya Mukhamedina, Dr.Sc. (History), Professor, Ufa State University of Economics and Service; mukhamedina@yandex.ru